

УДК 130.2:33
ББК 60.000.3

А.В. Борануков,
*аспирант кафедры социально-гуманитарных дисциплин Северо-Кавказского
социального института, г. Ставрополь, тел.: 8-(9633)-80-97-11,
e-mail: anzor2724@mail.ru*

Экономическая культура общества в теоретико- методологическом измерении (Рецензирована)

Аннотация. В статье содержится анализ релевантности современной социально-теоретической мысли в отношении проблематики экономической культуры общества. Автор ставит своей целью построение эффективной методологической стратегии, направленной на разработку широкого круга вопросов, связанных с экономической культурой населения.

Ключевые слова: экономическая культура, финансовая грамотность, функционализм, социальный конфликт, социокультурное поведение, постиндустриализм, глобализация, экономическая успешность, методологическая стратегия.

A. V. Boranukov,
*Post-graduate student of the Department of social and humanitarian disciplines
of North-Caucasus Social Institute, Stavropol, tel. : 8-(9633)80-97-11, e-mail:
anzor2724@mail.ru*

Economic Culture of Society in theoretical and methodological measurement

Abstract. The article contains the analysis of the relevance of the current sociotheoretical thought on the economic culture of the society. The author aims to build an effective methodological strategy to develop a wide range of issues related to the population economic culture.

Keywords: economic culture, financial literacy, functionalism, social conflict, socio-cultural behavior, post-industrialism, globalization, economic success, methodological strategy.

В основании разработки любой методологической стратегии, направленной на исследование тех или иных социокультурных параметров, должны находиться базовые принципы функционирования конкретного социума, его общественно-политическое устройство, экономическая модель и соответствующая система ценностей. Как справедливо замечает А.П. Федоровский: «Социальная теория, оперирующая отвлеченными категориями, абстрагированными от конкретных исторически заданных условий, обречена на банкротство» [1].

Начиная с 90-х годов прошлого столетия, в России сложились рыночные отношения, ее население получило политические права и свободы, стал формироваться такой ценностный корпус, который является типичным для государств, идущих по пути капиталистического развития. Разумеется, сказанное вовсе не исключает сохранения исторически сложившихся этнокультурных традиций, а также присутствия иных факторов, обусловивших цивилизационное отличие российского общества от иных социумов. Тем не менее, мы полагаем, что применительно к задачам

настоящей статьи было бы методологически предпочтительно рассматривать современный российский социум в качестве типовой модели свободных экономических отношений, абстрагируясь, по крайней мере, на данном этапе постановки проблемы от всего того, что составляет его эксклюзивное отличие от других сообществ.

Сформулированная нами позиция находит свое объяснение в парсоновской теории ретрансляции ценностного корпуса от систем более высокого уровня к их подсистемам. Напомним, что по Парсонсу «отношение между ценностями более высокой социальной системы и ценностями дифференцированных подсистем может быть названо отношением конкретизации при низведении обобщенного стандарта более широкой системы на «уровень» подсистемы с учетом ограничений, накладываемых на последний функцией и ситуацией».

Точка зрения, высказанная Т. Парсонсом, вполне укладывается в логику развития отечественного капитализма, заимствующего функционал, нормы и ценности глобальных экономических структур и распространяющего их на все без исключения подсистемы российского социума. Главным трендом описываемого нами процесса является артикуляция прагматизма и утилитаризма посредством вытеснения иных элементов аксиологической структуры. Если экономика допромышленного периода была мотивирована самым широким спектром ценностных установок, то в настоящее время доминантными являются те из них, которые обозначены нами выше. «Так, предпринимательская фирма руководствуется ценностью «экономической рациональности», выражающейся в производительности и платежеспособности, — замечает Парсонс, — и уделяет значительно меньше внимания более широкой системе ценностей, чем это делала недифференцированная производственно-семейная ячейка» [2].

Впрочем, функционалистская теория, применительно к проблематике экономической культуры, отнюдь не ограничивается исследованием механизмов распространения ценностей

в общественных структурах. Ее идеи представляются достаточно продуктивными для выявления латентных мотивов экономических практик. Именно функционализму принадлежит первенство в выдвижении гипотезы, согласно которой экономический субъект — это не просто гедонист, стремящийся к максимальному удовлетворению своих материальных потребностей, но, в первую очередь, носитель определенных социокультурных традиций, располагающий ценностно-смысловыми ориентирами в собственной жизненной стратегии.

Вместе с тем, было бы ошибочно ограничивать методологическое поле изучения экономической культуры исключительно постулатами функционализма. Противоречивость и многоаспектность экономической культуры общества обуславливает релевантность функционалистской теории только применительно лишь к отдельным сторонам предмета нашего исследования. Дело в том, что рыночная экономика и соответствующая ей социокультурная модель не являются равновесными, замкнутыми в себе системами, каковыми их хотели бы видеть теоретики функционализма. Наиболее вескими аргументами здесь могут быть ссылки на феномен глобализации, проявляющийся во взаимном проникновении различных экономик и культур, а также тезис о преимущественно нелинейном, кризисном развитии основных экономических процессов. Мы не имеем видимых оснований трактовать современную экономику с позиций функционального монизма, поскольку необходимо учитывать социокультурные и экономические различия всех взаимодействующих в этом поле макро и микросоциальных акторов. Совершенно очевидно, что то внутреннее напряжение, которое неизменно присутствует в экономическом процессе, требует дополнения исследовательской программы функционализма отличными от последнего подходами, содержащимися, например, в конфликтологии.

Продуктивность конфликтологических теорий применительно к теме диссертации заключается, прежде всего,

в их легитимации социального конфликта как такового, его введения в негэнтропийный контекст социокультурного развития социума. Для нас крайне важна артикуляция представителями данного направления системобразующей роли конфликта, его закономерности и способности расширять пространство возможностей.

Особая заслуга конфликтологической мысли состоит в ревизии содержания ключевого понятия функционалистов — понятия дисфункции. Традиционно под дисфункцией было принято понимать утрату системой своей функциональности. Однако при этом вопрос об эффективности существующего функционала выносился за рамки. Иными словами, функционалисты объявляли позитивным сам факт функционирования системы вне зависимости от коэффициента полезного действия последней. Тем самым, вольно или невольно, ими предпринималась догматизация существующих социальных норм, консервация наличного миропорядка и, в конечном счете, апология любой деструкции, если она не препятствует жизнедеятельности социально-политического режима или действующей экономической модели.

Напротив, существующая в обществе конфликтность, по мысли конфликтологов, не просто имманентна таковому, но и по многим параметрам является его нормальным состоянием. Конфликты не только ускоряют динамику общественного и культурного развития, но и формируют новые, более эффективные структуры. Они подчинены собственным, хотя и недостаточно изученным, законам, выступая детерминантами сложной социокультурной диалектики.

В свете сказанного становится понятным предложение одного из столпов конфликтологии Р. Дарендорфа считать понятие дисфункции остаточным понятием, означающем, в конечном счете, отказ от положительного суждения. «Дисфункция», — пишет Дарендорф, — не более, чем ярлык, каковой можно приклеивать к явлениям, объяснение которых хотя и счита-

ется возможным, но пока недостижимо; ведь констатируя, что забастовка или революция «дисфункциональны», а следовательно, способствуют нефункционированию соответствующих социальных систем, пока объяснили не слишком много».

По сути дела, Р. Дарендорф допускает вероятностное наличие конструктивного потенциала в любом социальном конфликте, отрицая, тем самым, предложенное Л. Козером разделение конфликтов на функциональные и дисфункциональные. Следует отметить, что позиция Дарендорфа находит свое подтверждение при обращении к конкретике социокультурной эмпирии, содержащей в себе достаточный массив доказательств правоты данного исследователя. Так, например, гипертрофированная конфликтность отечественной истории девяностых годов прошлого столетия, обусловленная, помимо всего прочего, радикальными изменениями в сфере экономики, напрямую повлияла на рост финансовой грамотности населения, выразившийся в практике диверсификации сбережений, антиинфляционном хеджировании личных средств, расширении представлений относительно инвестиционных продуктов, утрате иллюзий, связанных с этатистски-патерналистскими ожиданиями.

Социальный конфликт не просто присутствует в модели рыночной конкуренции, он имманентен самой природе рынка, являясь его неотъемлемым атрибутом. В состоянии перманентного конфликта находятся между собой участники экономических интеракций. Конфликтность социокультурных коммуникаций продуцирует появление нового общественного консенсуса. В частности, «конфликт между рабочими и предпринимателями становится отправной точкой для разработки определенных правил игры, связывающих стороны между собой» [3].

Методологическая релевантность конфликтологического подхода применительно к теме диссертации обусловлена радикальным ускорением динамики общественного развития, не имеющей прецедента в прошлом. Именно мульт-

типикация и усложнение протекания социальных конфликтов задает социуму те темпы развития, которые оно имеет в настоящее время.

Особое место в стимулировании конфликтов принадлежит глобализации, заявившей о себе как о доминантном тренде современной культуры. Если рассматривать социокультурную глобализацию в аспекте экономики, то здесь можно выделить следующие векторы конфликтогенности:

— противоречие между глобальной и локальными экономическими культурами;

— конфликт между носителями глобалистского, транснационального экономического сознания и приверженцами традиционных хозяйственных практик;

— межпоколенческие, гендерные и региональные различия в оценке феномена глобализации;

— отсутствие равных адаптационных возможностей у различных референтных групп к процессам глобализации;

— конфликт интересов национальных и транснациональных экономических субъектов;

— размывание образовательно-воспитательных приоритетов.

Итак, нам удалось установить, что функционализм и конфликтологические теории не могут рассматриваться как взаимоисключающие, когда речь идет о разработке методологической стратегии применительно к проблематике экономической культуры населения. Напротив, наше исследование наглядно продемонстрировало их взаимную дополнительную, возможность их эвристически продуктивной конвергенции. Впрочем, не менее очевидна и необходимость расширения методологического поля, что обусловлено крайне сложным содержанием самого феномена экономической культуры.

Очевидно, что, как и любой из секторов пространства культуры, ее экономическая составляющая оказывается во многом локализованной в ментальной сфере социума, причем не только в сознании, но и на уровне подсозна-

тельного. Отсюда следует вывод о необходимости обращения к концептам, теориям и инструментарию социальной психологии, то есть ко всему тому, что способно дать эксплицитное понимание мотивации экономического поведения, установить роль эмоционального фактора, установить зависимость между психотипом социального актора и принимаемыми им экономическими решениями.

В свете сказанного выше, нам представляется методологически небезынтересной позиция Д. Моизи, связывающая успех цивилизационного развития этноса с его эмоциональным настроением. В своей работе «Геополитика эмоций. Как культуры страха, унижения и надежды трансформируют мир» указанный автор формулирует задачу — составить «эмоциональную карту» регионов, выделив в каждом из них доминантный эмоциональный фон, а также установить характер влияния этого фона на состояние представленных в них обществ, их социально-экономические, политические и культурные удачи или неудачи. «Эмоции, — убежден Моизи, — отражают степень уверенности общества в самом себе. Именно эта степень уверенности, в свою очередь, определяет способность общества возродиться после кризиса, противостоять вызовам, приспособиться к изменяющимся обстоятельствам».

Вне всякого сомнения, инновационной выглядит идея Д. Моизи, связанная с выделением эмоциональных циклов, фиксации их темпоральной протяженности, и определения характера детерминации последних. Сюда же можно отнести и предложение по измерению силы эмоционального воздействия, возникающего в результате восприятия событийного ряда. Будучи реалистом, Моизи понимает все трудности, связанные с введением эмоций в сциентистский дискурс. Тем не менее, при всей сложности проблемы, отказ от исследования эмоциональной детерминации социальной практики на макросоциальном уровне чреват, по мнению ученого, самыми серьезными издержками. «Главный пункт моей аргументации при анализе эмоций

на геополитической арене, — резюмирует Моизи, — таков: эмоции имеют значение. Они оказывают влияние на настроения народов, на отношения между культурами и на поведение наций. Ни политические лидеры, ни историки, ни обычные заинтересованные люди не могут себе позволить их игнорировать. Создание эмоциональной картины нашего мира может показаться опасным занятием, однако делать вид, что такой картины вовсе не существует, было бы еще опасней» [4].

Методологическая стратегия, направленная на изучение состояния экономической культуры общества, не может игнорировать постулаты постиндустриализма, равно как и иные теоретические разработки, артикулирующие инновационный, модернизирующийся характер современности. В своей статье мы исходим из того, что экономическая культура в ее современном понимании невозможна без широкого круга компетенций, относящихся к области высоких технологий, информатики, социальных наук и проч. Еще Д. Белл связывал прорыв в сфере экономических знаний с появлением компьютерной техники. Согласно Беллу: «Они (компьютеры — прим. авт.) позволили соединить формальную теорию с накопленными в последние годы обширными базами данных: на основе

этого возникли современная экономика и прикладные формы экономической науки» [5].

Элементарная финансовая грамотность требует в настоящее время от индивида являться уверенным пользователем компьютера. Соответствующие навыки необходимы для обязательных каждому денежных операций, таких как совершение коммунальных платежей, уплата налогов, оплата услуг связи, осуществление инвестиций и прочие операции в рамках «онлайн-банкинга». При этом существует закономерность, согласно которой более высокая степень экономической культуры имеет своим требованием более широкие информационные компетенции. Примером сказанному может стать управление брокерским счетом, осуществляемое почти исключительно при помощи виртуальной торговой системы (Quick и др.), использование торговых роботов в биржевой торговле, торговля на Forex посредством клиентского торгового терминала.

Разумеется, все здесь сказанное не может исчерпать проблему методологической релевантности социальной теории по отношению к проблеме экономической культуры и финансовой грамотности социума, но этого вполне достаточно для обозначения вектора дальнейших изысканий.

Примечания:

1. Федоровский А.П. Историческое сознание: особенности формирования и объективации // Вестник Адыгейского государственного университета. 2011. №3. С. 33.
2. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2002. С. 720.
3. Дарендорф Р. Тропы из утопии. Работы по теории и истории социологии. М.: Праксис, 2002. С. 369.
4. Моизи Д. Геополитика эмоций. Как культуры страха, унижения и надежды трансформируют мир. М.: Московская школа политических исследований, 2010. С. 47.
5. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999. С. 30.

References:

1. Fedorovskiy A.P. Historical consciousness : peculiarities of formation and objectification // The ASU Bulletin. Series «Area studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies». 2011. Number 3. P. 33.
2. Parsons T. The structure of social action. M.: Academic Project, 2002. P. 720.
3. Dahrendorf R. Pathways of utopia. Work on the theory and history of sociology. M.: Praxis, 2002. P. 369.
4. Moisi D. The Geopolitics of Emotion. How a culture of fear, humiliation and hope are transforming the world. M.: Moscow School of Political Studies, 2010. P. 47.
5. Bell D. The coming post-industrial society. Experience of socialforecasting. M.: Academia, 1999. P. 30.